

УДК 930.2

doi 10.17072/2219-3111-2026-3-30-42

EDN: XVCUBM

ASJC 1202

ГРНТИ 03.23.25

Ссылка для цитирования: *Лавренченко М. Л.* Запрет на посольства и сношения с третьими политическими акторами в княжеских соглашениях XII–XV веков // Вестник Пермского университета. История. 2026. № 3(74). С. 30–42. DOI: 10.17072/2219-3111-2026-3-30-42. EDN: XVCUBM

ЗАПРЕТ НА ПОСОЛЬСТВА И СНОШЕНИЯ С ТРЕТЬИМИ ПОЛИТИЧЕСКИМИ АКТОРАМИ В КНЯЖЕСКИХ СОГЛАШЕНИЯХ XII–XV ВЕКОВ¹

М. Л. Лавренченко

Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, Россия, Москва, Ленинский пр-т, 32а
lavrenchenko1@yandex.ru

marialavrenchenko@gmail.com

Scopus Author ID: 57907892800

Researcher ID: MGT-9154-2025

SPIN-код: 6842-1680

Запрет на посольства и иные формы политической коммуникации в договорном арсенале Рюриковичей и других правителей значительно развивается с XII до XV в. Формулы соглашений середины XII в. «быти за одинь», «быти за одинь брать», заверения «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ» уже не дают достаточной информации противникам и союзникам о возможностях политического взаимодействия. Так, среди участников соглашений эпохи Рюрика Ростиславича возникают дискуссии о границах политической деятельности участников договора, которые книжник счел необходимым зафиксировать в Киевской летописи. В соглашениях Симеона Гордого и его потомков можно видеть значительно более полную детализацию условий соглашений. Теперь, хотя князья все еще повторяют формулу «быти за одинь», появляется целый спектр запретов: заключать собственные соглашения, отправлять послов, формировать союзы, необходимо информировать о новых отношениях, интригах. Такие условия могли быть как комплиментарными, так и односторонними. В соглашениях московских князей с рязанскими и тверскими князьями XIV в., с Новгородом характерно выделение пунктов, расписывающих действия на отдельных политических направлениях, что показывает их восприятие как «внешних», более самостоятельных союзников, в то время как в договорах, заключенных внутри династической ветви Ивана Калиты, князья ограничивались одним, хотя и подробным обобщающим абзацем, запрещающим сепаратные посольства. Литовские князья в договорах со смоленскими, рязанскими, пронскими князьями использовали тот же шаблон запрета дипломатической деятельности, что и московские князья во внутренних докончаниях, не прописывая отдельные направления, но применяли немного другую лексику. Специфика новгородских и псковских соглашений с союзниками XIII–XV вв. заключается в фиксации потенциальных траекторий нескольких политических акторов, их включении или, наоборот, исключении из сферы взаимодействия сторон, составляющих документ.

Ключевые слова: Средневековая Русь, договоры Рюриковичей, средневековая дипломатия, Киевская летопись, Ипатьевская летопись, договорные грамоты.

Посольская деятельность пронизывает всю эпоху договорных отношений Рюриковичей XI–XV вв. Уже в середине XII в. политические акторы могли иметь дипломатических представителей при союзниках или торговых партнерах, также они с регулярностью отправляли послов с отдельными сообщениями. Неудивительно, что сама по себе посольская деятельность мыслилась как значимая часть политики и потому обсуждалась на переговорах. Со временем ее упоминание вошло в арсенал устойчивых договорных формулировок княжеских договоров, заключавшихся московскими и литовскими князьями XIV–XV вв. Регламентацию посольской деятельности в соглашениях отмечал уже В. И. Сергеевич: «В договоры... должно было включаться условие, обязывающее стороны не вступать ни с кем в новые союзы без согласия противной

стороны» [Сергеевич, 1900, с. 173]. Ученый отмечал, что запрет на посольства стандартен для соглашений разных эпох, но видел разницу в том, как оформлялся этот пункт в договорах внутри московского дома и с рязанскими, тверскими и суздальскими князьями в XIV–XV вв. Свое наблюдение В. И. Сергеевич объясняет большей жесткостью московских князей по отношению к этим правителям, так как ограничения, установленные по отношению к ним, более подробны, чем в соглашениях с ближайшими родственниками.

Эти соображения могут быть уточнены и существенно дополнены: рассмотрение специфики соглашений показывает динамичное развитие запретов на посольства с конца XII в. В домонгольский период сам вопрос о таких рамках был скорее предметом дискуссии, нежели устойчивым пунктом договора; расширение и детализация ограничений посольской деятельности приходится на XIV–XV вв.; постепенная стандартизация и сокращение характерны для более поздних соглашений. Запреты на посольства присущи не только грамотам московских, но и литовских князей, которые используют близкие формулировки в соглашениях со смоленскими, рязанскими и пронскими князьями. Схожие рамки можно видеть в договорах новгородцев и псковичей с западными соседями, в них учитывается несколько политических акторов и вариантов развития событий. Расширение арсенала запретов на посольства, а особенно прописывание отдельных политических направлений, вовсе не обязательно свидетельствует об ужесточении политики московского князя по отношению к правителям других княжеств, а скорее указывает на желание конкретизировать этот запрет. В таком случае его действие оказывается ограниченным только приведенными пунктами и, следовательно, имеет меньшую силу, чем при использовании кратких обобщающих фраз, запрещающих посольскую деятельность как таковую.

В. И. Сергеевич относит появление запретов на посольства к соглашениям конца 1170–1190-х гг., сохранившимся в составе Киевской летописи (т.е. статей Ипатьевского свода за XII в.). Так, широко известна претензия Рюрика Ростиславича к Святославу Всеволодичу, который послал к венгерскому королю Беле III своего сына Глеба Святославича, нарушив, с точки зрения Рюрика, соглашение: «Како еси послалъ сына своего ко королеви, а со мною не спрошався – соступился еси ряду» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 663). Однако в процессе примирения Святослав подробно объясняет, что общение с королем не было направлено против Рюрика, а потому не может быть рассмотрено как прецедент, ведущий к расторжению договора: «Святославъ бо тѣмъ прѣшедъся [ошибочно, в Хлебниковском списке «прѣшеся». – М. Л.]: “Брате и свату, язъ сына своего послалъ не на тя поводить короля, но язъ послалъ на свое орудье, аже хочеть [в Хлебниковском списке – хочешь] ити на Галичъ, да се азъ с тобою готовъ!”» (Там же). Согласно летописи, Рюрик Ростиславич был справедлив в своей претензии, и Святослав действительно имел предварительное соглашение, скрепленное крестоцелованием, с Белой III, который упоминает об этих обстоятельствах, приглашая сына Святослава к своему двору: «Присла король ко Святославу, тако река: “Брате, пришли сына своего ко мнѣ: чимъ ти ся есмь обѣщаль – то ти исполню, яко ти есмь крѣсть цѣловаль!”» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 662). Летописец подчеркивает, что Святослав отправляет Глеба Святославича, радуясь возможности получить Галич: «Святославъ же, утаився Рюрика, ухотяся творяше, яко же дадять емоу Галичъ» (Там же) (ухотяся – обрадовавшись [СлРЯ XI–XVII вв., 2023, с. 185]). Кроме того, книжник отмечает, что взаимодействие правителей происходило тайно. Однако Рюрик Ростиславич быстро узнает о переговорах и отправляет своих представителей и к Святославу, и вслед за Глебом Святославичем: «Рюрикъ же, увѣдавъ то, наряди по немъ Святослава Володимерича, прѣставя к нему мужъ свои, а на Святослава поча насылати» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 662). Интерес представляет статус Глеба Святославича в этой ситуации: князь едет ко двору венгерского короля как посол и представитель своего отца; эта функция довольно типична для сына киевского князя, и, по всей видимости, именно он должен был занять галицкий стол и править от имени своего отца в случае успеха всего предприятия. Сложность миссии Глеба Святославича заключалась в том, что он был женат на дочери Рюрика Ростиславича² (от которого скрывались сношения с венгерским королем), что предполагало тесные отношения с этим князем, а его жена, Рюриковна, выполняла также и дипломатические функции, являясь представителем семьи своего отца в кругу Святослава Всеволодича.

Стоит усомниться в том, что крестоцелование, заключенное между Святославом Всеволодичем и Рюриком Ростиславичем, непременно содержало четко оговоренный запрет на посольскую деятельность с венгерским королем или любыми другими правителями. Это со всей ясностью следует из оправдательной реплики Святослава Всеволодича, подчеркнувшего, что отправление им сына не является нарушением клятвы, он ехал «по его (Святослава) личному делу», не связанному с общими с Рюриком делами, к которым, как следует из контекста, относились совместные действия по отвоеванию Галича. Вероятно, именно «искание» Галича и фигурировало в тексте предшествующего крестоцелования между этими князьями, так как формулировки с точным указанием городов в целом типичны для соглашений, зафиксированных Киевской летописью. Так, Всеволод Юрьевич требует от всех Рюриковичей и венгерского короля «не искати Галича»: «и води я ко кръсту на своемъ сестричѣ [Владимире Ярославиче. – М. Л.] Галича не искати николи же под нимъ» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 667). Рюрик и Давыд Ростиславичи требуют от Ольговичей «не искати отчины нашея Києва и Смоленска под нами» (Там же, стб. 688, 700).

Очевидно, для Святослава Всеволодича подобное обещание не предполагало ограничения свободы взаимодействия и заключения других соглашений, но для Рюрика Ростиславича отправка сына Святослава к венгерскому двору выглядела как один из шагов, приближающий этого князя к получению искомого города, которого князья договорились добиваться вместе. Именно разногласия в интерпретации слов клятвы вызвали пояснительную речь Рюрика о том, что любые действия нуждаются в предварительном осведомлении («съспрошати») и одобрении контрагента. Раз требовались такие объяснительные «речи», значит сами формулировки не содержали четко прописанных инструкций участникам. Именно эта и подобные дискуссии заставляли последующих составителей соглашений расширять их, конкретизируя условия.

Рассмотрение посольской деятельности как признака формирования враждебного союза характерно для домонгольского периода в целом. Например, в статье 6717 г. (1209, события происходили в 1207/8 [Бережков, 1963, с. 90–93, 250]) Новгородской I летописи (далее – НПЛ) рассказывается о том, как рязанские князья Глеб и Олег Владимировичи «обадиша братью свою», выдвинув обвинение против своих дядьев Глебовичей в том, что они «сѣвѣтали съ черниговьскими князи» (НПЛ, 1950, с. 50) на Всеволода Юрьевича, в ответ на что последний немедленно арестовал и заточил обвиняемых. Однако о фиксации запретов на посольства в самих соглашениях книжник не упоминает. По всей видимости, самые популярные формулы таких соглашений: «быти за одинъ» или «быти за одинъ братъ» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 366, 374), «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ» (Там же, стб. 701) воспринималась многими участниками как уже подразумевающие подобный запрет, поэтому в домонгольский период ограничение посольской деятельности в отдельный пункт еще не выделялось.

Другой отмеченный В. И. Сергеевичем [Сергеевич, 1900, с. 173–174] пример отказа от сепаратных соглашений – приведенные в статье 6704 (1196) г. Киевской летописи слова Давыда Ростиславича, который отстранился от скрепления договора без своего брата и союзника Рюрика Ростиславича: «Давыдъ же не любяшетъ мира, но пуцашетъ и поити к Чернигову, река ему: “Како еси былъ умолвилъ с братомъ своимъ Рюрикомъ и со мною, аже совокупитися у Чернигова всимъ да любо быхомъ умирилися вси на всеи волѣ своеи”» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 699–700). Он укоряет Всеволода Юрьевича в несогласованной с Рюриком политической деятельности, причем упоминает и отсутствие осведомления союзника, и совета с ним: «Ты же нынѣ ни мужа своего еси послалъ ко брату своему Рюрикови, и ни своего прихода повѣдаеши ему, ни моего, а умолви с нимъ мужемъ своимъ... брате, повѣдаю ти: сего ти мира zde не улюбить братъ мой Рюрикъ» (Там же).

Вопреки мнению В. И. Сергеевича, здесь книжник вряд ли апеллирует к запрету, наложенному предполагаемым соглашением между Давыдом и Рюриком, скорее перед нами пояснительная тирада Давыда Ростиславича, необходимость в которой возникла именно из-за отсутствия подобных пунктов в договорах. Однако сама политическая схема, обрисованная Давыдом в его «речи», заметно идеализирует существовавшее положение вещей. Действия Рюрика Ростиславича были направлены не только и не столько против черниговского князя Яросла-

ва Всеволодича и его родственников, сколько против Романа Мстиславича, дважды нарушившего крестоцелование к Рюрику, что не способствовало в глазах участников быстрому примирению и развязке ситуации. При таком раскладе решение Всеволода Юрьевича обезопасить рубежи своего княжества и рязанских князей, заключив соглашение с правителями Черниговской земли, не вторгаясь в сложные отношения Рюрика Ростиславича и Романа Мстиславича, выглядит естественным решением. Смоленское княжество было так же заинтересовано в мирном урегулировании, и Давыд личных претензий дополнительно к Ольговичам не имел, однако счел необходимым поддержать своего брата Рюрика Ростиславича в его личном конфликте. Подобным образом в редакции повести о битве на Липице, читающейся в новгородско-софийских сводах XV в., Юрий Всеволодич отказывается от сепаратного перемирия с Новгородом и Мстиславом Мстиславичем в обход владимирского князя Ярослава Всеволодича: «одинъ есмы брат съ Ярославом» (ПСРЛ, 2002, т. 42, с. 108). Очевидно, выражения, близкие этой формуле, характерной для более поздних московских докончаний, применялись для отказа от любых соглашений, которые нанесли бы ущерб союзнику.

Если рассмотреть политическое взаимодействие Рюрика и Давыда Ростиславичей, черниговского князя Ярослава Всеволодича и Всеволода Юрьевича в 1190-е гг., несложно отметить, что единство крупнейших политических акторов так и не было достигнуто на деле и соглашения, как правило, заключались между двумя сторонами и носили предварительный характер. Так, в статье 6703 (1195) г. Киевской летописи говорится о том, как Ольговичи послали сначала своих мужей и игумена Дионисия к Всеволоду Юрьевичу, что имело успех: «онъ же има имъ вѣры и сѣде с коня» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 689), – а затем стали пересылаться «речами» с Рюриком: «другия послы послаша ко Рюрикови» (Там же), – который уже должен был помочь заключить финальный договор («ряд») с Всеволодом и Давыдом. На следующем этапе примирения черниговский князь Ярослав Всеволодич отправляет послов именно к Рюрику, предлагая заключить мир без Всеволода, а тот – как пожелает: «а Всеволодъ ажъ восхочеть с нами уладитися, а уладитися, а тобѣ не надобѣ с братомъ Давыдмъ» (Там же, стб. 695). Рюрик декларировал, согласно пояснению летописца, мирные намерения: «Рюрикъ же рче ему: “ажъ хочешь со мною во правду любви, а даи ми путь слати ко Всеволоду и ко Давыдови, а како ся нагадаше вси – тако же с тобою уладимся”». Однако черниговские князья опасались, что Рюрик организует враждебный им альянс, и продолжали препятствовать координации действий: «заяли бо бяхуть Олговичи вси пути, и тако воеваша межи собою, ѣздячи все лѣто и до осени» (Там же, стб. 695–696)³.

Опасения Ярослава Всеволодича и его союзников, что «свѣчатися хотять на нь» в этой ситуации можно понять: обмен послами чаще всего был направлен против не участвующего в дипломатической деятельности лица. Так, посольствами обменивались князья, вынужденные мириться с тем, что отец Ярослава, Всеволод, сел на киевском столе в середине XII в.: «не въсхотѣша ко Всеволоду того створити, но съсылахуться сами межи собою, хотяче на нь поити Киеву» (Там же, стб. 304).

Князья круга политических альянсов Рюрика Ростиславича впервые обсуждают на предварительном этапе ограничение политической деятельности акторов, входящих в соглашение. Этот вопрос, очевидно, был болезненным и для предшествующих правителей, но только к концу XII в. стал важной частью княжеских «речей». Однако в летописях не находится свидетельств, подтверждающих наличие готовых устойчивых формулировок таких запретов, собственно, в княжеских крестоцелованиях, скорее участники пытались предусмотреть различные сценарии развития событий и описывали их в предварительных переговорах, в то время как фразеология самих соглашений лишь обобщенно подчеркивала единство участников.

Завершение действия прежних договоров с третьими лицами также активно обсуждалось перед крестоцелованиями в домонгольскую эпоху. Так, автор Киевской летописи отмечает, что, победив Юрия Владимировича, Изяслав Мстиславич и Вячеслав Владимирович требовали от него отказа от обязательств перед Святославом Ольговичем: «Святославъ же ти Олговичъ не надоби!», но «такъ Гюргеви ни вѣмѣни его» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 443). Аналогичным образом под 6736 (1228) годом НПЛ упоминает о том, что псковичи заключили соглашение с Рижским

архиепископством: «възяша миръ съ рижаны» (НПЛ, 1950, с. 66), при этом «Новгородъ выловивъше», т.е. 'исключив' [СлРЯ XI–XVII вв., вып. 3, с. 218] из предыдущего соглашения Пскова, Риги и Новгорода. Автор летописи вкладывает в уста псковичей лаконичную констатацию того факта, что интересы их двух главных союзников разошлись, используя то же выражение: «то вы, а то новгородьци, а намъ не надобе» (НПЛ, 1950, с. 66); подробнее об этом союзе см. [Хрусталёв, 2009, с. 168–169]. Как можно заметить, тот же оборот присутствует и в «речи» черниговского князя Ярослава Всеволодича к Рюрику и Давыду, где Ярослав хотел подчеркнуть, что не стремится к общему для всех соглашению: «а тобѣ не надобѣ с братомъ Давыдѣмъ» (ПСРЛ, 1998, т. 2, стб. 695). Таким образом, несмотря на желание князей «Владиминова племени» урегулировать отношения с Ольговичами одним значимым договором-«рядом», на деле их отношения с черниговскими князьями распадались на отдельные соглашения, носящие, как декларировалось, предварительный характер. Ими все взаимодействие и ограничивалось – слишком различны на деле были интересы потомков Владимира Мономаха.

В пергаменных и бумажных грамотах XIII–XV вв. формулировки, ограничивающие посольскую деятельность⁴, становятся важной частью соглашений, причем их развитие происходит в двух траекториях. Первая наиболее близка цитированной выше гневной «речи» Рюрика Ростиславича к Святославу Всеволодичу в Киевской летописи и подразумевает прямой запрет на политическое взаимодействие с кем-либо, часто с указанием конкретного лица – конкурента или потенциального противника одного из участников крестоцелования. Вторая направлена на развитие тех принципов, которые были озвучены Всеволоду Юрьевичу Давыдом Ростиславичем и касается самого порядка процедуры заключения соглашений. Запрет на посольства детализируется и часто включает отказ от старых договоров, прописывание новых обязательств на каждом политическом направлении и другие действия; причем эти ограничения могут иметь как односторонний, так и обоюдный характер.

Рассматривая соглашения московских князей XIV–XV вв., В. И. Сергеевич отмечает любопытное региональное различие в степени жесткости условий, ограничивающих собственную внешнюю политику князей XIV–XV вв.: «Московские князья, как и их отдаленные предки, хорошо понимали важность стеснения свободы своих союзников в вопросах иностранной политики. Но любопытно, что они проводят эти ограничения прежде всего в применении к князьям рязанским, суздальским, тверским, а потом уже переходят к ближайшим своим родственникам, великим князьям московским» [Сергеевич, 1900, с. 183]. Наиболее существенным ограничением, с точки зрения исследователя, подвергались рязанские князья: по отношению к Литве и Орде правители Рязани «ставятся в полную зависимость от своих союзников» [Там же, с. 182]. Однако действительно ли детализированность запрета на посольскую деятельность можно считать более суровой преградой для самостоятельности княжества?

Формулировки, ограничивающие политическую деятельность, можно найти уже в dokonчании великого князя Семена Ивановича с братьями Иваном Ивановичем и Андреем Ивановичем, заключенном приблизительно в 1348 г.: «Быти ны за одинъ до живота... А кто будетъ брату нашему старѣишему недругъ, то и нам недругъ. А кто будетъ брату нашему старейшему другъ, то и нам другъ. А тобѣ, господине, князь великий, без насъ не доканчивати ни с ким. А братѣ твоеи молодшей безъ тебе не доканчивати ни с кимъ» (ДДГ, 1950, с. 11) (Л. В. Черепнин датирует эту грамоту 1350–1351 гг. [Кучкин, 2009]). Очевидно, формулы единения, известные по Киевской летописи: «быти ны за одинъ» и «кто мнѣ ворогъ, то и тобѣ ворогъ», – раскрываются здесь в более подробных пунктах, экстраполирующих мирное взаимодействие и конфликты Семена Ивановича на братьев и запрещающих сепаратные соглашения всем участникам договора в самом общем виде, без упоминания имен и направлений политики.

В dokonчании великого князя Дмитрия Ивановича с двоюродным братом Владимиром Андреевичем, составленном между 1364 и 1366 гг.⁵, помимо аналогичных условий («кто будетъ мне, брату моему старѣишему, другъ, то и тобѣ другъ. А кто будетъ мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ»), и требования «без мене [Дмитрия Ивановича. – М. Л.] не доканчивати», появляется запрет на по-

сольскую деятельность: «ни съсылатися ни с кѣм же» (ДДГ, с. 20; ГДД, с. 8). Причем этот запрет обоюден: «также и мнѣ безъ тебе» (Там же). Кроме того, в отдельный пункт вынесено обязательство сообщать о тех или иных интригах или разведывательной информации: «а что ти слышавъ о мнѣ от крѣстьянина ли, от поганина⁶ ли, о моемъ добрѣ или о лисѣ, или о нашей отчинѣ и о всѣхъ крѣстьянехъ – то ти мнѣ повѣдати в правду, без премышленья, по целованью», причем также обоюдное: «а мне тако же тебе поведати» (ДДГ, 1950, с. 20; ГДД, 2025, с. 8). Очевидно, подобный расширенный список ограничений, в т.ч. включающий отправление послов, обусловлен тесными отношениями двоюродных братьев, которых объединяло противостояние литовским и ордынским набегам, а также конфликты с суздальскими, рязанскими, тверскими князьями и другими Рюриковичами. Однако как близкий родственник Дмитрия Владимир Андреевич потенциально был опасным конкурентом сыновей Дмитрия, поэтому условие не заключать перемирие дополнено полным запретом самостоятельной посольской деятельности.

В dokonчании великого князя Василия Дмитриевича также с Владимиром Андреевичем, его дядей, от 1390 г. единство политической коммуникации выражено теми же устойчивыми оборотами, что и в соглашении его отца: «А кто будетъ мне, брату твоему старейшему, другъ, то и тобѣ другъ. А кто будетъ мнѣ недругъ, то и тобѣ недругъ» (ДДГ, 1950, с. 37). Однако самостоятельные соглашения возможны при своевременном оповещении о них: «А тебе, брате, не канчивати ни с кимъ безъ нашего веданья. А намъ тако же безъ твоего веданья» (Там же). Очевидно, что политический вес Василия Дмитриевича после смерти отца и недавно завершившегося конфликта был все еще невысок, и Владимир Андреевич сохранял определенную долю самостоятельности. Требование информировать о политической деятельности близко по характеру стандартным условиям, определяющим единое информационное пространство, сформированным в период правления Дмитрия Ивановича, которые в этой грамоте также присутствуют.

В dokonчаниях Василия Дмитриевича с младшими братьями Андреем и Петром Дмитриевичами 1401–1402 гг. представлен уже устоявшийся перечень запретов, который начинается с общей формулы единения: «Быти нам за одинъ, и до живота», далее следует упоминание о необходимости разделять дружеские и вражеские отношения контрактора, а также запрет на сепаратные соглашения, при этом Андрей и Петр не должны отправлять послов самостоятельно: «Хто будет друг тобѣ, князю великому, то, господине, и нам друг. А хто будет, господине, тобѣ недруг, то и нам недруг. А тобѣ, господине, князь великы, не канчивати без нас ни с кѣм. А нам, господине, без тебе не канчивати ни с кѣм, ни съсылатися» (Там же, с. 51)

Таким образом, в московских соглашениях второй половины XIV в. прослеживается четкая структуризация обязанностей участников dokonчания, где отдельно выделяются пункты, ограничивающие собственное политическое взаимодействие участников, в т.ч. предполагающие единую направленность внешней политики (общие враги и друзья), запрет на сепаратные соглашения и обмен собственными посольствами с другими правителями. В отдельный пункт выносятся формирование единого информационного пространства – невозможность владения теми или иными сведениями в тайне. Отдельные пункты могут быть исключены или упрощены в зависимости от обстоятельств и властных возможностей конкретного московского князя.

Соглашения московских князей XV в. дополнительно проговаривают экстраполяцию любых крестоцелований и соглашений московского князя на того правителя, с которым заключен основной договор, а кроме того, аннуляцию предыдущих крестоцелований. Так, например, в dokonчании Василия Васильевича с галицким князем Дмитрием Юрьевичем 1441–1442: «А с кѣмъ, брате, будешь в целовании, и тебѣ к тому целованье сложыти (‘закрыть’, ‘аннулировать’). А с кѣм яз буду в dokonчании, и мнѣ и тобя с тѣмъ учинити в dokonчании. А не канчивати ти, брате, без меня, без великого князя, ни съсылатися ни с кѣмъ» (Там же, с. 107–108). Сохраняется запрет на собственную посольскую деятельность: «А не канчивати ти, брате, без меня, без великого князя, ни съсылатися ни с кѣмъ» (Там же). Добавление новых пунктов официально оформляет тенденцию, которую можно проследить еще в домонгольских летописях: новое соглашение закрывает действие старых. Пункт, расширяющий условия договора на других участников альянса, также закрепляет обязательства, которые ранее лишь подразумевались во время принесения крестоцелования. Симметрия пунктов соглашения в этот период

вряд ли отражает процесс формирования жесткой иерархии, скорее – более педантичную работу над формулировками. Так, изначальное устойчивое словосочетание «быти за одинъ», бытовавшее еще в договорах Киевской летописи, и, собственно, послужившее началом для изучаемых нами запретов на самостоятельную политическую деятельность, приводится в грамоте дважды – для каждого участника соглашения, который обещает придерживаться условий до *своей* смерти: «Быти ти, брате, со мною, с великим князем, вездѣ заодин, и до своего живота. А мнѣ, великому князю, быти с тобою везде заодин, и до своего живота» (Там же, с. 107). Любопытно, что само по себе прибавление «до живота» в целом не характерно для dokonчаний московских князей с дальними родственниками [Конявская, 2016], вероятно, причина упоминания – любовь к детальным формулировкам составителя, а не отражение политических интенций.

В dokonчаниях правителей Москвы с князьями других восточнославянских княжеств XIV–XV вв. акценты в запретах на посольскую деятельность расставлены иначе. Здесь обобщающая формулировка «быти за одинъ» не применяются, но можно встретить точные указания на главных неприятелей тех, кто заключает союз. Прежде всего это проявляется в соглашениях московских князей с тверскими и рязанскими, а также с Великим Новгородом. Очевидно, разница в том, как определены эти запреты, маркирует их самостоятельность: вместо того, чтобы ограничиться декларацией единства в целом, т.е. *во всем*, что характерно для внутримосковских соглашений, оговариваются отдельные ее направления. Любопытно, что и здесь можно видеть развитие и систематизацию конкретных формулировок.

Так, в соглашении великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским князем Олегом Ивановичем 1381 г., которое расценивается исследователями как необычайно «унизительное и неравноправное» для Рязани [Лаврентьев, 2011, с. 18, с историографией; Кучкин 2003, с. 222–270] отсутствует стандартное для князей московской династии обобщенное упоминание о единении «быти за одинъ», но подробно описываются «роздель земли», «порубежье», «обида» (ДДГ, 1950, с. 29 (под 1382 г.); ГДД, 2025, с. 34–35), однако есть отдельное упоминание о информационной поддержке (в т.ч. в разведке): «а что вы слышавъ о моемъ добре или о лихъ от хрестьянина или от поганина, то вы мне повѣдати въ правду, без примышленья» – и закрытии прежних договоренностей (Там же.)

В соглашении наиболее подробно прописано взаимодействие с Литвой и «татарами», против которых декларируется «единение» князей. По словам В. И. Сергеевича, «по отношению к ним рязанский князь ставится в полную зависимость от воли своих союзников» [Сергеевич, 1900, с. 182]. Действительно, в соглашении в первую очередь говорится об отношениях с литовскими князьями, с которыми рязанские князья были особо близки благодаря браку дочери Олега: «А к Литвѣ князю великому Олгу целованье сложити. А будет князь великий Дмитриий Иванович и братъ, князь Володимерь, с Литвою в любви, ино и князь великий Олег с Литвою в любви. А будет князь великий Дмитриий и князь Володимерь с Литвою не в любви, и князю великому Олгу быти быти со княземъ с великимъ з Дмитриемъ и со княземъ с Володимеромъ на них с одного» (ДДГ, 1950, с. 29–30; ГДД, 2025, с. 34–36). Как отмечает А.В. Лаврентьев, в соглашении не выделяется отдельно фигура Ольгерда, так как отношения этих двух династий были тесными и многоаспектными, кроме того, сам Ольгерд заключал договор с Москвой 1372 г. от имени всех литовских князей [Лаврентьев, 2011, с. 40].

Так же подробно прописываются условия взаимодействия рязанского князя с Ордой: «А с татары, аже будет князю великому Дмитрию миръ, и его брату, князю Володимеру, или данье, ино и князю великому Олгу миръ или данье с одного со княземъ с великимъ з Дмитриемъ. А будет немиръ князю великому Дмитрию и брату его, князю Володимеру, с татары, князю великому Олгу быти с о княземъ с великимъ съ Дмитриемъ и съ его братомъ с одного на татаръ и битися с ними» (Там же).

В отдельный пункт попадает не отмеченное В. И. Сергеевичем взаимодействие с Рюриковичами, среди которых общие друзья и недруги: «А с руских князей кто князю великому Дмитрию друг, и князю Володимеру, то и князю великому Олгу друг. А кто недруг князю великому Дмитрию и князю Володимеру, а то и князю великому Олгу недругъ, итти на нь с одного» (Там же).

В основу всех этих пунктов, описывающих наиболее острые для Рязани и Москвы направления политики, легли архаичное «быти за одинъ» и стандартное обобщающее московское выражение «кто будет другъ/недругъ тобѣ... то и нам другъ/недругъ» (из архаичного «кто мне ворогъ, то и тобѣ ворогъ»), замененное, однако, в пункте о «татарах» на «миръ/немиръ» и в литовском пункте на «быти в любви/не в любви». А.В. Лаврентьев интерпретирует эту лексическую разницу следующим образом: «любовь» подразумевает письменный договор рязанского князя с литовским, а «миръ» никаких письменных подтверждений не предусматривает и напрямую обязывает рязанского князя выступать против ордынского войска в случае конфликта [Лаврентьев, 2011, с. 18–19]. Прописывание отдельных направлений внешней политики в этом соглашении более четко определяет ограничения, не экстраполируя их на любое взаимодействие с третьими лицами, которое проистекает из обобщенной формулы «быти за одинъ» в целом, использованной во внутренних московских договорах.

Аналогичную дифференциацию отдельных внешнеполитических направлений можно видеть в соглашениях Москвы и Твери. В договоре великого князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с великим князем тверским Михаилом Александровичем 1375 г. проговариваются возможные пути развития взаимодействия и с Ордой, и с литовскими князьями – наиболее болезненными для московской политики на тот момент акторами, способными поддержать Тверь [Эккхард, 1994, с. 195–217; Кучкин 2003, с. 169–222]: «А поидуть на насъ татарове или на тебе – битися намъ и тобѣ с одного всѣмъ противу их, или мы поидем на нихъ и тобѣ с нами с одного поити на них. А к Ольгерду ти и къ его братьи, и къ его дѣтем, и къ его братаничем целованье сложити, а поидуть на нас Литва, или на смоленского на князя на великого, или на кого на нашу братью на князеи – намъ ся ихъ боронити, а тобѣ с нами всимъ с одного. Или поидут на тебе, и нам такоже по тобѣ помогати и боронитися всим с одного» (ДДГ, 1950, с. 25–26; ГДД, 2025, с. 26–30). Здесь требование «сложити целование» («освободиться от клятвы», «отказаться от условий договора») направлено на разрыв отношений с конкретным лицом – Ольгердом, однако запрет на коммуникацию распространяется на всех его родственников. Как единодушно отмечают исследователи, Михаил и не думал следовать этому пункту соглашения [Эккхард, 1994, с. 214]. Лексика, определяющая отношения тверского князя и с Ордой, и с Литвой показывает данный, внезапный характер возможного конфликта: «а поидут на нас...», однако в отношениях с Литвой дополнительно прописывается необходимость расторжения письменного соглашения: «целованье сложити».

Любопытна статья, определяющая взаимодействие с православными великими князьями и князьями ярославскими: «а князи велиции крестьяньстии и ярославьстии (дискуссия о этой формулировке: [Кучкин 2003, с. 187, 196–197]) с нами один человекъ. А их ти не обидети. А имешь их обидети, нам, дозря их правды, боронитися с нима от тебе с одного. А имут тебе обидѣти, нам, дозря твои правды, боронитися с тобою от них с одного» (ДДГ, 1950, с. 26; ГДД, 2025, с. 26). Иными словами, в случае конфликта Твери с Ярославлем (его земли были в непосредственной близости) или любым великим княжеством под управлением Рюриковича московский князь встанет на ту сторону, которую посчитает пострадавшей. По сути, такой пункт договора не добавляет никаких ограничений на действия контрагента. Все зависит от причины потенциального конфликта, однако составители все же сочли нужным эту возможность прописать. Кроме того, важной частью соглашения является обеспечение безопасности со стороны Твери, Новгорода, Торжка и их «рубеха».

Упоминание конкретных имен литовских князей присутствует в московско-тверских договорах и далее. Так, Василий Дмитриевич при заключении докончания с тверским князем Михаилом Александровичем (около 1396 г. или позже) [Кучкин, 2003, 271–327] закрывает соглашение с князем литовским Витовтом: «А к Витовту ми целование сложити» – и требует от тверского князя также объявить Витовту о том, что договор между ними больше не действует: «А тебе, брате, тако ж явити Витовту, что есте с нами одинъ человекъ. А будет нам, брате, взяти любовь с Витовтом или с Литвою, и нам, брате, без тобѣ любви не взяти, ни без твоих детей, ни внучат» (ДДГ, 1950, с. 41). Остальные направления внешней политики не прописаны подробно, а кратко указаны в перечне: «А быти нам, брате, на татары, и на литву, и на немци, и

на ляхи заодинъ» (Там же). Таким образом, именно соглашения Дмитрия Ивановича и Василия Дмитриевича с тверским князем Михаилом Александровичем конца XIV в., упоминающие конкретных правителей: Ольгерда и Витовта, можно назвать наиболее подробными с точки зрения пояснения условий взаимодействия с литовскими князьями. Также большую свободу действий и более детальное описание возможного взаимодействия рязанского князя с Литвой подразумевает договор Василия Дмитриевича с Рязанью 1402 г. [Лаврентьев, 2011, с. 113].

В более поздних договорах XV в. с тверскими князьями столь подробное уточнение деталей каждого направления внешней политики не представлено, здесь можно видеть только широкие обобщения, перечни политических и военных оппонентов, что маркирует снижение угрозы со стороны Твери для Москвы [Эккхард, 1994, с. 353–368], например в соглашении великого князя Ивана Васильевича с тверским князем Михаилом Борисовичем 1462 г.: «А быти нам, брате, на татаръ, и на ляхи, и на литву, и на немци заодин, на всякого нашего недруга» (Там же, с. 201–202). Тенденция к сокращению и упрощению пунктов, касающихся внешней политики, усиливается на всем протяжении XV в., хотя изредка все же выделяются отдельные направления, например, в докончании великого князя Ивана Васильевича с великим князем литовским Александром Казимировичем 1494 г., где отдельно отмечено противостояние Большой Орде: «А быти ти, брату, на всякого моего недруга со мною в вездѣ заодинъ, и на тотар» (Там же, с. 329).

В договоре Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича с Новгородом 1371 г. [Кучкин, 2003, с. 68–118] также выделяются потенциально опасные противники Новгорода, против которых направлено соглашение, – литовские и тверские князья, а также Ливонский орден: «Ажъ будет обида со князьями литовскими или съ тѣрьскимъ князем с Михаилом, Новугороду всѣсти на конь со мною»; «или будет обида Новугороду с литовским князем, или с тѣрьским князем с Михаилом, или с нѣмци» (ГДД, с. 11). Кроме того, договор содержит обещание князя не бросать Новгород до полного примирения с этими противниками: «А доколе ся Новѣгород с литовским князем и со тѣрьским княземъ Михаилом не умирят, или с нѣмци, мнѣ, князю великому, и моему брату, князю Володимеру Новагорода не метати» (Там же). В этом видна характерная для Новгорода тенденция к прописыванию возможных путей развития событий.

Наложение ограничений на определенный вид деятельности предполагает также регламентацию их снятия. Так, в московско-литовском перемирии между литовскими князьями Ольгердом и Кейстутом, смоленским князем Святославом Ивановичем с одной стороны и московскими князьями Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем с другой (1372 г.) [Кучкин, 2003, с. 119–167]⁷ говорится именно о свободе передвижения послов: «А межы нас нашимъ послом ѣздити, путь имъ чистъ» (ДДГ, 1950, с. 21; ГДД, 2025, с. 20), – но дополнительно присутствует пункт, упоминающий о свободе передвижения послов, принадлежащих *отдельным князьям*: «а межы нас посломъ литовскимъ и нашимъ, и смоленскимъ, и торговцемъ путь чистъ. А посломъ тѣрьскимъ и нашимъ промежы нас путь чистъ» (Там же). В. А. Кучкин считает, что повтор возник из-за компиляции московского и литовского черновиков [Кучкин, 2003, с. 144, 154], но вероятнее тенденция к детализации этого пункта. В рассмотренных выше соглашениях московских князей с другими Рюриковичами подобный пункт отсутствует, так как само скрепление докончанием отношений подразумевало свободу посольской деятельности. Однако соглашение о перемирии между литовскими и московскими князьями – военными и политическими противниками – не могло содержать заверений в единстве, поэтому возможность посольской деятельности прописывалась отдельно.

Сравнивая московские соглашения с литовскими, можно найти близкие условия, определяющие единство участников в вопросах внешней политики. Так, в договоре смоленского князя Юрия Святославича 1386 г. с королем Ягайло (Владиславом II) и его братом Скиргайло, помимо обещания «быти за одинъ», маркирующего высокий уровень согласия, говорится: «а с кимъ король мирен и братъ его князь великии Скиригкаило, и с тымъ и язъ мирень, а и с кимъ король немирень, и братъ его князь великии Скиригкаило, и с тымъ и язъ немирень, хотя бы с ыною братьею своею немирень, и с тыми миру не держати ми и со Ондреемъ полоцкимъ и с полоча-

ны миру не держати ми, а ни сылатися» (СГ, 1963, с. 72; НКРЯ, s.v. «Скиригаило»). Простая структура и шаблонность этого обещания соответствует московским образцам этого времени («кто будет другъ/недругъ тобѣ, князю великому, то и нам другъ/недругъ»), частично присутствует схожая лексика (например, запрет «сылатися» (послами)), упоминается конкретное лицо, против которого направлен договор, – полоцкий князь Андрей Ольгердович и другие смоленские князья: «хотя бы с ыною братьею своею», что характерно для московско-тверских грамот. Лексемы «миренъ», «немиренъ» можно заметить и в соглашениях московских князей с рязанскими, однако только в соглашениях литовских князей они используются для обозначения самой сути договора, заменяя слова «другъ», «недругъ» московских грамот.

Аналогичные формулировки можно встретить в докончании рязанского князя Ивана Федоровича с литовским князем Витовтом (около 1430 г.)⁸: «А быти ми с нимъ заодинъ на всякого. А с кѣм онъ миренъ, а с тѣм и язъ миренъ. А с кѣм онъ немирен, с тѣм и яз немиренъ. А великому князю Витовту мене боронити от всякого. А безъ князя великого ми воли Витовтовы ни с кѣм не доканчивати, ни пособляти» (ДДГ, 1950, с. 68) Эти пункты повторяются в докончании с Витовтом пронского князя Ивана Владимировича (около 1430 г.) (Там же, с. 69), но отсутствуют в таком же договоре тверского князя, который только заверяет в единстве одной обобщающей фразой: «быти ми с нимъ заодинъ, при его сторонѣ, и пособляти ми ему на всякого» (Там же, с. 62).

Таким образом, выражения, характерные для соглашений Дмитрия Ивановича, его сыновей и внуков, активно использовались в аналогичных договорах литовских князей Владислава II Ягайло, его брата Скиргайла, Витовта в XIV–XV вв., чему в немалой степени способствовали шаблонность фразеологии договоров Рюриковичей в предшествующую эпоху, а также тесные связи между великими князьями Литовскими и великими князьями Московскими в XIV–XV вв. В отличие от московских соглашений, договоры смоленского, рязанского, пронского князей с литовскими правителями содержат одну и ту же обобщенную формулировку запрета на политические сношения, без выделения направлений, не претерпевают изменений в зависимости от времени и княжества, с которым заключается соглашение, используют иные лексемы («миренъ», «немиренъ»), а дополнительные уточнения запретов коммуникации могут незначительно варьировать.

Отношения, основанные на маневрировании между интересами нескольких политических акторов, характерны не только для княжеских московских соглашений, но и для взаимодействия новгородцев с западными соседями в XIV в. Здесь можно видеть близкую тенденцию к выделению отдельных политических направлений, а также стремление упомянуть возможные варианты развития событий в будущем. Так, в договоре между Новгородом и Тевтонским орденом 1323 г., заключенном против Пскова и литовских князей («Заключили вечный союз, которому быть навеки, чтобы новгородцы нам помогали, а мы им против литовцев и всех их, литовцев, друзей и помощников») (ГВНП 1, 1949, с. 66 [пер. Е. А. Рыдзевской]; ГВНП 2, 2025, с. 68–69 [пер. С. В. Полехова и др.]), проговаривается тактика военной поддержки, а также содержится запрет на отдельные соглашения с литовскими князьями: «Новгородцам мира с литовцами не заключать без нашего согласия, и нам мира с литовцами не заключать без согласия новгородцев». Кроме того, говорится и о возможной стратегии псковичей: «А если не отступятся псковичи от литовцев, то мы должны помогать новгородцам и воевать вместе с новгородцами, а они вместе с нами против псковичей до тех пор, пока те не подчинятся новгородцам» (Там же). Сам союз был направлен против литовских князей, также значительное число пунктов соглашения подчеркивают необходимость совместных действий Ордена и Новгорода против Пскова, однако в тексте имплицитно присутствует возможность ссоры псковичей и Литвы.

Итак, запрет на посольскую деятельность и политическую коммуникацию в соглашениях Рюриковичей и других правителей претерпел значительные трансформации с XII по XV в. Формулы, охватывающие очень широкий спектр деятельности («быти за одинъ», «быти за одинъ братъ»), и выражения, подчеркивающие наличие общих противников («кто мне ворогъ,

то и тобѣ ворогъ»)), перестают отвечать потребностям Рюриковичей уже в конце XII в. В эпоху политической активности Рюрика Ростиславича, при всей сложности взаимоотношений представителей «Владимирового племени» и Ольговичей, имело место стремление к единому общему соглашению, которое положило бы конец конфронтации. Недостижимость этой цели нашла выражение в проговаривании отдельных претензий и условий в диалогах. В соглашениях сыновей Ивана Калиты можно видеть уже сформировавшиеся устойчивые формулировки наложения рамок на внешнюю коммуникацию: появляются запрет заключать сепаратные соглашения и отправлять послов, требование отказаться от старых или новых союзов, отдельно выделяется условие единства информационного пространства (участники должны оповещать о новых соглашениях, сообщать о возможных слухах и данных разведки). В соглашениях московских князей с рязанскими и тверскими обобщающие формулировки о единении уступают место пунктам, в которых прописаны конкретные направления внешней политики: Литва, Орда, другие Рюриковичи. Взаимодействие Новгорода и Пскова с соседями отличается множественностью политических акторов, поэтому в соглашениях закладывается и потенциальная возможность перемены в политике противников и союзников. Докончания рязанских, пронских, смоленских князей с великими князьями литовскими содержат обобщенно сформулированный пункт о единстве участников, близкий аналогичному абзацу во внутренних соглашениях московских князей, однако в перечнях обязанностей термины «друг», «недруг» заменяются на «миренъ», «немиренъ». Таким образом, великие московские и литовские князья по-разному формировали ограничения своих контрагентов в соглашениях, можно видеть и небольшие различия в использованной лексике.

Примечания

¹ Работа выполнена в Институте всеобщей истории РАН за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-03360 «Древнерусская письменная культура XII–XIV вв.: региональные особенности».

² Брак был заключен в ознаменование союза между Рюриком Ростиславичем и Святославом Всеволодичем (ПСРЛ, 1998, т. 2, с. 625). Об особенностях заключения этого брака см. в работе [Литвина, Успенский, 2012, с. 62–68]. О самой княжне – в работе [Домбровский, 2015, с. 480–484].

³ Провозглашение свободы путей для послов и торговцев в случае снятия заградительных постов также оформлялось при помощи устойчивых формул, известных уже автору «Повести временных лет» [Гиппиус, 2012].

⁴ Формулы единения подробно рассмотрены в работах Е. Л. Конявской и В. А. Кучкина [Конявская, 2016, 2018; Кучкин, 1998].

⁵ По изданию ДДГ Л. В. Черепнина 1950 г. – около 1367 г.

⁶ М. М. Кром видит в такой классификации информаторов явный признак того, что составителем было духовное лицо [Кром, 2024, с. 29].

⁷ Грамота датируется 1371 г. по ДДГ.

⁸ Л. В. Черепнин датирует 1430 г. (ДДГ, 1950, с. 67). Специфика политики Витовта в этот период подробно рассматривается С. В. Полеховым [Полехов, 2015, с. 125–128].

Список источников

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ).

Т. 2. Ипатьевская летопись. М., 1998. 604 с.

Т. 42. Новгородская карамзинская летопись. СПб., 2002. 224 с.

Новгородская первая летопись (НПЛ). М.; Л., 1950. 642 с.

Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. (ДДГ.) М.; Л., 1950. 597 с.

Грамоты Дмитрия Донского (ГДД). Тула, 2025. 360 с.

Смоленские грамоты XIII–XIV веков (СГ). М., 1963. 137 с.

Грамоты великого Новгорода и Пскова (ГВНП 1). М.; Л., 1949. 407 с.

Грамоты великого Новгорода и Пскова (ГВНП 2). М., 2025. 856 с.

Библиографический список

Бережков Н. Г. Хронология русского летописания. М., 1963. 376 с.

- Гиппиус А.А. «Земля твоя яко земля наша...»: что же все-таки имели в виду «немцы от Рима»? // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2019. № 1(75). С. 25–27. DOI: 10.25986/IRI.2019.75.1.006
- Домбровский Д. Генеалогия Мстиславичей. Первые поколения (до начала XIV века). / пер. К. Ерусалимский и др. СПб., 2015. 882 с.
- Конявская Е.Л. Московские и тверские противни договоров 1454–1456 и 1462–1464 гг. // «Вертоград многоцветный». Сборник к 80-летию Бориса Николаевича Флори. М., 2018. 528 с. EDN: XTBSQR.
- Конявская Е.Л. Тема конца жизни в договорных грамотах русских князей XIV–XV веков // Язык и текст. 2016. № 3(2). С. 23–30. DOI: 10.17759/langt.2016030203. EDN: WNIPTT.
- Кром М.М. Доброхоты Российского царства: из истории патриотической и лоялистской лексики (до начала XVII в.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2024. № 4(98). С. 27–38. DOI: 10.25986/IRI.2024.98.4.003.
- Кучкин В.А. Первая договорная грамота Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским // Звенигород за шесть столетий. М., 1998. С. 11–64. EDN: XUOSDZ.
- Кучкин В.А. Договор 1348 г. великого князя Симеона Ивановича с братьями Иваном Звенигородским и Андреем Серпуховским // Средневековая Русь. М., 2009. Вып. VIII. С. 101–175. EDN: NXWBMD.
- Кучкин В.А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. 367 с.
- Лаврентьев А.В. После Куликовской битвы. Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI вв. М., 2011. 243 с.
- Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Внутридинастические браки между троюродными братьями и сестрами в домонгольской Руси // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 3(49). С. 45–68. EDN: PCBFJH.
- Полехов С.В. Наследники Витовта. Династическая война в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. М., 2015. 712 с. ISBN: 978-5-91674-366-1. EDN: VRKGOL.
- Сергеевич В.И. Русские юридические древности. Т. 2. Вече и князь. Советники князя. СПб. 1900. 618 с.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. (СлРЯ XI–XVII вв.). Вып. 3. М., 1976; Вып. 23. М., 2023.
- Хрусталева Д.Г. Северные крестоносцы. Русь в борьбе за сферы влияния в Восточной Прибалтике XII–XIII вв. СПб., 2009. 464 с.
- Эккхард К. Княжество Тверское (1247–1485 гг.). Тверь, 1994. 432 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 29.05.2026

PROHIBITION OF EMBASSIES AND COMMUNICATION WITH THIRD PARTY POLITICAL ACTORS IN PRINCELY AGREEMENTS OF THE 12TH – 15TH CENTURIES

M. L. Lavrenchenko

Institute of World History, Russian Academy of Sciences, 32a Leninsky av., Moscow, 119334, Russia
lavrenchenko1@yandex.ru
marialavrenchenko@gmail.com
Scopus Author ID: 57907892800
Researcher ID: MGT-9154-2025
SPIN-код: 6842-1680

The prohibition an embassies and other forms of political communication in the treaties of Rurikids and other rulers significantly expanded from the 12th to the 15th century. The formulas of mid-12th-century agreements reflected by the Kievan Chronicle ("To stand as one," "To stand as one brother," and assurances (such as "Whoever is your enemy is my enemy")) were popular in the middle of the 12th century. But the late 12th century, those formulae already were not sufficient. For example, they did not provide ample information to Rurik Rostislavich's opponents and allies regarding their own political activities, leading to numerous discussions and additions in the princes' "speeches" of the Kievan Chronicle. The agreements of Dmitry Donskoy and his children on paper and parchment contain more detailed terms. At that time, although princes still repeated the formula "To stand as one", a whole range of prohibitions emerged: treaties prohibited to conclude separate agreements, to send ambassadors, to form

new alliances; and established obligations to inform about new agreements and to report intrigues. Such conditions could be both mutual and unilateral. The agreements between the Moscow princes and the Ryazan' and Tver princes of the 14th century contained separate entries about actions in specific areas of foreign policy. Treaties of the 15th century typically just listed groups of opponents. The agreements of the Northwest of Rus' did not rule out the possibility of a change in opponents' policies. All these regional specificities correlate clearly to the complex political relations of the 14th–15th centuries.

Key words: Medieval Rus', Rurikids' treaties, medieval diplomacy, Kyivan Chronicle, Hypatian Codex, treaty charters.

Acknowledgments

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation № 25-28-03360 "Old Rus Written Culture of the 12th-14th Centuries: Regional Peculiarities", provided through the Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.

References

- Berezhkov, N. G. (1963). *Chronology of Russian chronicle writing*. Moscow.
- Dombrovskiy, D. (2015). *Genealogy of the Mstislavichi. First generations (until the beginning of the 14th century)*. St. Petersburg.
- Ekkehard, K. (1994). *The Principality of Tver (1247–1485)*. Tver.
- Gippius, A. A. (2019). Your land is like our land...: What did the "Germans from Rome" actually mean? *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, (1), 25–27.
- Khrustalev, D. G. (2009). *Northern crusaders. Rus' in the struggle for spheres of influence in the Eastern Baltic in the 12th–13th centuries*. St. Petersburg.
- Konyavskaya, E. L. (2016). The theme of the end of life in the treaty charters of Russian princes of the 14th–15th centuries. *Yazyk i tekst*, (3), 23–30. <http://psyjournals.ru/langpsy/2016/n2/Konyavskaya.shtml>
- Konyavskaya, E. L. (2018). Moscow and Tver opponents of the treaties of 1454–1456 and 1462–1464. In *Vertograd mnogotsvetnyy. Collection for the 80th anniversary of Boris Nikolayevich Florya*. Moscow.
- Krom, M. M. (2024). Well-wishers of the Russian Tsardom: From the history of patriotic and loyalist lexicon (until the beginning of the 17th century). *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, (4), 27–38.
- Kuchkin, V. A. (1998). The first treaty charter of Dmitry Donskoy with Vladimir Serpukhovskiy. In *Zvenigorod over six centuries* (pp. 11–64). Moscow.
- Kuchkin, V. A. (2003). *Treaty charters of Moscow princes of the 14th century. Foreign policy treaties*. Moscow.
- Kuchkin, V. A. (2009). The treaty of 1348 of Grand Prince Simeon Ivanovich with his brothers Ivan Zvenigorskiy and Andrey Serpukhovskiy. In *Medieval Rus'* (Vol. 8, pp. 101–175). Moscow.
- Lavrent'yev, A. V. (2011). *After the Battle of Kulikovo. Essays on the history of the Oka-Don region in the last quarter of the 14th – first quarter of the 16th centuries*. Moscow.
- Litvina, A. F., & Uspenskiy, F. B. (2012). Intra-dynastic marriages between second cousins in pre-Mongol Rus. *Drevnyaya Rus'. Voprosy mediyevistiki*, (3), 45–68.
- Polekhov, S. V. (2015). *Heirs of Vytautas. The dynastic war in the Grand Duchy of Lithuania in the 1430s*. Moscow.
- Sergeyevich, V. I. (1900). *Russian legal antiquities* (Vol. 2: The veche and the prince. Advisors of the prince). St. Petersburg.